

Политическая философия языка: к новой типологии вэикулярности

Е.Н. БЛИНОВ (ФРАНЦИЯ)

В современных обществах сфера языка становится главным объектом централизованного регулирования. Такие процессы лежат в основе понятия национальной идентичности. Статья представляет обзор сложных взаимосвязей, существующих между властью и языком, с целью выявить различные стратегии социального контроля. Особое внимание уделяется анализу понятия нормализации национальных языков. Его связь с супранациональными или «вэикулярными» языками рассматривается как особая область социологии языка.

Ключевые слова: вэикулярные языки, социалингвистика, политическая философия, Делёз и Гваттари.

Власть грамматиков и грамматика власти

Дион Кассий в «Римской истории» приводит ставший знаменитым анекдот о том, как император Тиберий в своем эдикте употребил слово, отсутствующее в латыни, и созвал грамматиков, чтобы получить совет о правильности его употребления. Один из приглашенных якобы заметил: «Цезарь, ты мо-

жешь давать римское гражданство людям, но не словам»¹. Сходное замечание было сделано императору Сигизмунду Первому, употребившему на Констанском соборе слово «схизма» в женском роде. На что, однако, он ответил своей знаменитой фразой: *Ego sum rex Romanus et supra grammaticam* («Я – римский император и выше грамматиков»). Впрочем, данный случай обычно приводится в качестве наглядного примера отсутствия у императора подобной власти: латинское слово «схизма» (*Schisma* (-atis n.)) до сих употребляется в среднем роде. Подобное соотношение сил между властью и языком сохранялось до того момента, как Руссо объявил народ сувереном власти, а письменность – порабощением разговорной речи в ее «естественном», т.е. свободном, состоянии².

В эпоху национальных государств язык служит основанием для легитимации «естественных границ», а сама нация, по крайней мере в классической европейской модели, не мыслится без обособленного языка³. Всякая нация посредством своей «общей воли» вправе давать или лишать слова гражданства или даже менять их пол, ведь меняются же с течением времени, в том числе законодательно, ролеполовые модели поведения. В обществах эпохи модерна, мыслящих себя как нации, языковые проблемы последовательно становятся объектом государственного регулирования. Процесс этот берет начало в XVIII в. и достигает своего апогея в XX в., обогатившем лингвистику если и не новыми языками, то новыми учебниками грамматики⁴.

Однако в нашу задачу не входит детальный анализ риторических кодов раннего модерна или, тем более, функционирования национальных нарративов. Сконцентрируем внимание на технических аспектах, т.е. на роли «языковых техник» в терминологии Фуко⁵. Для нас интерес представляет дискуссия о роли латыни в педагогическом процессе. Ведь именно «мертвый язык» должен обладать некой медиативной функцией, которая выходит за пределы элементарных потребностей коммуникации в определенном лингвистическом сообществе, использующем для этих целей свой «естественный» язык. Представляя латынь как идеальную модель «вэикулярного», т.е. опосредующего языка, сторонники ее изучения приводили различные ар-

¹ Дион Кассий. Римская история. 57–58. 17.

² См.: *Rousseau J.J. Oeuvres complètes*. P. : Pléiade, 1964. Т. 2. P. 1248. О влиянии Руссо на современную лингвистику см. также комментарий к изд.: *Rousseau J.J. Oeuvres // Essai sur l'origine des langues*; ed. A. Kremer-Marietti. P. : Hartmann, 2009.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 89–104; Хьюбнер К. Нации и национализм. М., 1996.

⁴ Одна из первых работ на эту тему: *Meillet A. Les langues dans l'Europe nouvelle*. P. : Payot, 1928. О современном состоянии вопроса см.: *Hagège C. Halte à la morte des langues*. P. : Odile Jacob, 2000.

⁵ Фуко неизменно подчеркивал «продуктивный» характер нового дискурса власти. См.: *Foucault M. La volonté de savoir*. P. : Gallimard, 1976. P. 26.

гументы (латынь как основа романских языков, универсальный код для единой номенклатуры, базовая грамматическая модель и т.д.). Подытоживая почти вековую дискуссию, немецкий исследователь Питер Вюльфинг заметил, что «в латыни важно все, кроме нее самой»⁶. Пожалуй, сложно будет найти лучшую формулировку для описания нашей задачи: говоря о политике языка и «языковых техниках», мы задаемся вопросом: что важно в языке, кроме него самого? Для нас не представляет непосредственного интереса ни язык как формализованная гомогенная система, являющаяся объектом теоретической лингвистики (Соссюр, Хельмслев, Хомски и др.), ни язык как среда функционирования культурных кодов, наделяющих его мифическими свойствами (ясность французского, простота испанского, практическая английского, философская глубина немецкого и т.д.). Нас интересует область исследования, которая становится доступной после того, как мы подвергнем языкознание социолингвистической редукции, а именно: *отношения языка и власти*.

Централизация государственного аппарата и «унификация номенклатуры»: рождение политики языка

Необходимо в первую очередь различать «политику языка» как совокупность практик, вписанных в определенный диспозитив власти, и собственно политическую лингвистику как отдельную область языкознания. Постараемся осветить данный процесс в общих чертах, однако вначале зададим определенный исторический контекст, который позволит внятно артикулировать цели и задачи языковой политики в рамках глобального проекта социальных преобразований, осуществленных в современных обществах. Сам термин «политика языка» введен в научный оборот французским лингвистом Фердинандом Брюно в его фундаментальном исследовании по истории французского языка в конце 1920-х гг.⁷ В ряде проектов, предложенных на рассмотрение якобинского Конвента в середине 1790-х гг., Брюно обнаруживает своего рода «эпистемологический разрыв», указывающий на вполне определенную тенденцию революционного правительства осуществлять систематический контроль за функционированием языка. Введение и повсеместное использование унифицированного «национального языка» выходило далеко за рамки централизаторских проектов Старого режима и предполагало фундаментальные

⁶ Цит. по: *Waquet F. Le latin ou l'empire d'un signe. P. : Albin Michel, 1998. P. 220.*

⁷ *Brunot F. Histoire de langue française V. IX (I). P. : Armand Colin, 1927. P. 13.*

преобразования всего государственного аппарата⁸. Мы можем говорить о рождении «политики языка» в том же смысле, в котором Мишель Фуко говорил о «рождении биополитики»⁹.

Данная программа, в наиболее отчетливом виде сформулированная Анри Грегуаром, предлагала радикальное «искоренение» региональных языков (*anneantissement des patois*) и в последней трети XX в. приобрела дурную репутацию: многие исследователи называли ее не иначе как «лингвистическим террором»¹⁰. Для более точной постановки вопроса мы считаем необходимым сконцентрировать внимание скорее на позитивной части программы, содержащейся в предложении Грегуара¹¹. Его рапорт, являясь, вне всякого сомнения, частью проекта радикальной централизации и создания гомогенного пространства дискурса, заключенного (на первом, республиканском этапе) в естественных границах «регенерированной» французской нации, предлагал целый ряд мер по «унификации номенклатуры». В эпоху энциклопедистов составление номенклатуры (например, ботанической бинарной номенклатуры Буффона или зоологической бинаминальной номенклатуры Линнея) означало построение формальной и всеобщей классификации в определенной области знаний, принципиально латиноязычной¹².

Однако в задачу Грегуара входило не просто создать всеобщую классификацию административных единиц или учредить систему мер, но и сделать ее доступной и обязательной для всех без исключения граждан республики, обеспечив тем самым пресловутый демократический «паноптизм». Грегуар практически не затрагивает вопросы об обязательном и всеобщем образовании, о составлении учебников или критериев отбора преподавательского состава (в этом отношении куда более показателен известный доклад Бертрана Барьера)¹³. По его мнению, всеобщее использование единого государственного языка позволяло осуществить ряд реформ.

1. Ввести новую топонимику, в том числе городскую, чтобы закрепить новую систему административных делений (старая топонимика

⁸ Как показывают новейшие исследования, Брюно сильно преувеличивал «эффективность якобинского правительства». Предполагаемые реформы осуществились только с введением в эпоху президентства Жюлья Ферри обязательного начального образования исключительно на французском языке. См.: *Bell D.A. The Cult of Nation in France. Inventing Nationalism*. L. : Harvard University Press, 2001. P. 178–180; *Schlieben-Lange B. Idéologie, révolution et uniformité de la langue*. Madraga, 1996.

⁹ Фуко М. Рождение биополитики. М., 2010.

¹⁰ *Calvet L.J. Linguistique et colonialisme*. P. : Payot, 1974. P. 211–242; *Balibar R., Laport D.G. Le Français national : Politique et pratiques de la langue nationale sous la Révolution française*. P. : Hachette, 1974. P. 23.

¹¹ *De Certeau M., Dominique J., Revel J. Une politique de la langue*. P. : Gallimard, 1975. P. 331–351.

¹² *Foucault M. Les mots et les choses*. P. : Gallimard, 1966. P. 137–166.

¹³ *De Certeau M. et al. Op. cit.* P. 331–321.

мика отсылала к историческим названиям провинций, а названия улиц и площадей символически закрепляли доминирование феодальной аристократии и монархического режима).

2. Стимулировать мобильность между департаментами, отменить внутренние таможенные барьеры, для чего потребуются единый язык коммуникаций (так называемые патуа, или региональные диалекты, развивались исключительно в рамках старых феодальных территорий).

3. Учредить единую систему мер (при старом режиме каждая провинция имела свои «мерь», именуемые на региональных языках, что в значительной степени затрудняло торговлю).

4. Ввести принципиально иной уровень кооперации в системе производства. При отсутствии единого языка каждая операция или инструмент имели свое наименование на местном диалекте. Следовательно, индустриализация и развитие капиталистического способа производства невозможны без учреждения единого языка¹⁴.

Таким образом, унифицированный национальный язык был необходим для создания общей номенклатуры, которая рассматривалась Грегуаром в качестве средства «упростить механизм и улучшить ход государственной машины»¹⁵. Данный проект можно рассматривать как наглядный пример «базовой механистической модели», характерной для эпохи раннего модерна¹⁶. Он был осуществлен именно в своей технической части, тогда как реформы образования Жюль Ферри, сделавшие французский язык обязательным к обучению для всех граждан Третьей Республики, были осуществлены только в последней трети XIX в.¹⁷ До теоретического переосмысления этого процесса оставалось еще целое столетие.

Эпистемологический разрыв в лингвистике: генеративизм и социология языка

В течение всего XIX в. лингвисты тщательно избегали вопросов о социальном функционировании языка: приоритетом были сравнительные исследования грамматики. С утверждением структуралистской парадигмы языковые практики были помещены Соссюром в сферу «речи» (*parole*) и по сути дела избавили теоретическую линг-

¹⁴ Ibid. P. 173–180.

¹⁵ Ibid. P. 341.

¹⁶ О генезисе управленческих моделей см.: *Касавин И.Т.* Социальные институты и рациональная коммуникация // Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход. М.: ИФ РАН, 2009. С. 50–51.

¹⁷ *Ozouf M.* L'École, l'Église et la République. 1871–1914. P.: Seuil, 1992. P. 21–54.

вистику от необходимости подвергать их тщательному анализу. Для того чтобы стать объектом исследования, всякий новый язык должен быть подвергнут процессу «нормализации» и «грамматикализации». Хотя уже в начале XX в. Антуан Мейе, один из учеников Соссюра, настаивал на необходимости изучать социальные функции языка¹⁸. Однако структуралистская модель с ее жесткой дихотомией языка и речи доминировала вплоть до 1960-х гг., когда был четко обозначен намечающийся «эпистемологический разрыв» в лингвистике.

Ключевым вопросом для формирования новой дисциплины был вопрос «объекта лингвистических описаний». Уильям Лабов, выступая против генеративизма Н. Хомского, заявил о необходимости радикальной реформы в лингвистике, основанной на «социологии языка»¹⁹. Обращение к социуму противоречило принципиальной установке генеративной, т.е. порождающей, лингвистики, которая напрямую апеллировала к картезианской теории «врожденных идей». В конце 1950-х гг. Хомский, по общему мнению, одержал убедительную победу над необихевиористским энвайронментализмом, подвергнув радикальной критике положения «языкового поведения» Б. Скиннера²⁰. Аргументация Лабова была разработана куда более тщательно: он выбрал своей целью ключевое положение генеративизма о принципиальном дуализме между «языковыми компетенциями» (competence) и «речевой деятельностью» (performance). Данная дихотомия, восходящая к соссюровскому разделению «языка» (langue) и «речи» (parole), устанавливала гомогенность (и врожденность) структуры в противоположность гетерогенности и «неправильности» речевых практик. В своем классическом исследовании так называемого черного английского (black English), который противопоставлялся «стандартному английскому» (standard English), он продемонстрировал, что всего в нескольких фразах говорящий на негритянском диалекте 18 раз переходит с «черного» на «стандартный». Лабов назвал эту операцию «переключением кодов» (code switch), утверждая, что если мы сможем систематически описать подобные переключения в рамках некоей когерентной стратегии дискурса, то само разделение на «стандартный» язык и «речевые практики» окажется под вопросом²¹. Кроме того, саму «неправильность» разговорной речи он считал тех-

¹⁸ Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. P., 1921.

¹⁹ Лабов У. Изучение языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М., 1975. С. 96–181.

²⁰ Chomsky N. A Review of B.F. Skinner's Verbal Behavior // Language. 1959. Vol. 35, № 1. P. 26–58.

²¹ Под влиянием работ Базиля Бернштейна понятие кода стало одним из ключевых в социолингвистике: Basil B. Theoretical Studies Towards A Sociology of Language. Routledge & Kegan Paul Books, 1971. О развитии идей Бернштейна см.: Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 12–15.

нической проблемой, которую можно устранить при помощи корректного использования звукозаписывающей аппаратуры. Представления о неправильности разговорных практик он объясняет тем обстоятельством, что для анализа «повседневной речи» лингвисты до сих пор использовали главным образом стенограммы научных конференций, во время которых ученые пытаются «впервые сформулировать сложные идеи». По его наблюдениям, при беседе на знакомую тему в неофициальной ситуации доля неправильных конструкций в разговорных практиках не превышает 25 %. Таким образом, в социолингвистическом анализе Лабова так называемые нестандартные языки переходят «порог описания» и становятся объектами лингвистического исследования наравне с «синтаксическими маркерами» Хомского. Сам Лабов называл свой метод «социологией языка», хотя и считал его отныне неотъемлемой частью лингвистики.

В середине 1960-х гг. с подобными предложениями выступил целый ряд исследователей, придерживавшихся сходных позиций: Чарльз Фергюсон с его разделением «высоких» (high language) и «низких» (low language) языков, Джошуа Фишман с работами о городских диалектах, Эйнар Хаген с его теорией «языкового планирования». На этот период приходится процесс формирования социолингвистики как самостоятельной дисциплины, а уже с начала 1970-х гг. эпистемологический разрыв в лингвистике оформляется институционально²².

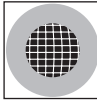
Пожалуй, наибольший интерес новая дисциплина вызвала во Франции, где социолингвистические исследования сразу были включены в арсенал противоборствующих идеологических групп. Именно во Франции во второй половине 1970-х гг. зародилась субдисциплина, которая сегодня называется политической лингвистикой. Это была не просто политическая борьба, но соперничество различных исследовательских парадигм: «нейтральному» и «дескриптивному» подходу Мишеля де Серто (материалы по якобинской политике языка)²³ противостояли сторонники антиамериканского «kulturkampf» (Франсуа Этьембль, Анри Гобар, позднее Клод Ажеж)²⁴, теоретики лакановской школы (Элизабет Рудинеско, Клод Мильнер)²⁵, а также различные ответвления неомарксизма (Луи-Жан Кальве с работой о

²² Два сборника, содержащие ряд классических статей Лабова, Фишмана, Фергюсона, Хагена, Гомперца, Бернштейна и др., вышли в свет в 1972 г.: *Language and Social Context*; P.P. Giglioli (ed.). Mid. Penguin books, 1972; *Sociolinguistics*; J.B. Pride, J. Holmes (eds). Mid. Penguin books, 1972.

²³ *De Certeau et al. Op. cit.*

²⁴ *Étiemble R. Parlez-vous français? P. : Gallimard, 1964; Gobard H. L'aliénation linguistique: une analyse tétraglossique. P. : Flammarion, 1976; Hagège C. Le français et les siècles. P. : Odile Jacob, 1987.*

²⁵ *Gadet F., Gayman J.M., Mignot Y., Roudinesco E. Les maîtres de la langue. P. : Maspero, 1979; Milner J.C. L'amour de la langue, P. : Seil, 1978.*

лингвистическом колониализме, Рене Балибар и Доминик Лапорт с исследованием «школьных аппаратов» как разновидности «идеологических аппаратов государства» в духе Альтюссера)²⁶ и регионалистские движения (Робер Лафон и окситанизм и др.)²⁷.

Одной из основных проблем стало обсуждение так называемой языковой нормализации, которая не только законодательно устанавливала собственно нормы языка, но и четко закрепляла официальный статус французского. Под давлением марксистской критики, а также на фоне набирающих силу регионалистских и антиколониальных движений исследователи самых различных ориентаций обратились к анализу социальных функций языка. В новой перспективе речь шла уже не просто о плюрилингвизме, а о выделении в каждом языке обособленных страт (характеризующихся не только лексикой или фонетикой, но и специфическим синтаксисом и грамматикой), появление которых нельзя объяснить иначе как с помощью дивергенции социальных практик. К началу 1980-х гг. парадигматический кризис привел к падению «больших нарративов»: стало возможно говорить не только о политически ориентированном постструктурализме (Мишель Фуко, Жак Лакан, Ролан Барт, Жиль Делёз, Феликс Гваттари) или о постгенеративизме (Уильям Лабов), но и постфункционализме (Луи Жан Кальве, Клод Ажеж)²⁸. Социолингвистика как междисциплинарное исследование *per definitionem* стала ответом на глубокий кризис в области теоретической лингвистики, позволившей осуществить всесторонний анализ социальных функций языка.

Социальное функционирование языка: типология взайкулярности

Начиная с первых шагов социолингвистики повышенное внимание уделялось так называемым вернакулярным, или ненормализованным, языкам. Чарльз Фергюсон в своей классической статье 1959 г. различал «низкий» и «высокий» языки²⁹, Лабов в уже упоминавшемся исследовании противопоставлял «стандартному» английскому белому большинству специфический социолект, характерный для урбанистической субкультуры американцев африканского происхожде-

²⁶ Calvet L.J. Op. cit.; Balibar R. L'institution du français. P. : P.U.F, 1985.

²⁷ Lafont R. L'état et la langue // Cabris ; ed. Sulliver, 2008. По проблеме языковых меньшинств см.: Language Rights and Political Theory; W. Kimlica, A. Paten (eds). Oxford University Press, 2003.

²⁸ Обзор развития французской лингвистики во второй половине двадцатого века см.: Calvet L.J. Essais de linguistique : La langue est-elle une invention des linguistes? P. : Plon, 2004.

²⁹ Ferguson Ch.A. Diglossia // Word. 1959. № 15. P. 325–340.

ния. Однако универсальность дихотомии между «вернакулярным» (vernacular) и «вэикулярными» (vehicular) языками была в свою очередь поставлена под сомнение.

Во-первых, целый ряд исследований продемонстрировал, что речь нужно вести не столько о разделении на стандартизированные «высокие» языки и разговорные диалекты, сколько о процессе нормализации и грамматикализации, характерной для определенной социокультурной матрицы³⁰. Старая дескриптивная модель «вернакулярных» языков указывала на необходимость некоего «консенсуса графолектов» в терминологии Эйнара Хагена, т.е. осуществления искусственной конвергенции различных диалектов для построения на их базе единого «национального» языка³¹. Но данная модель была пригодна разве что для этнолингвистики. История формирования «литературных» европейских языков показывала, что унифицированный язык практически всегда создавался на основе одного диалекта, который происходил из региона, выступавшего в роли глобального интеграционного центра («лангдэй» во Франции, «кастильский» в Испании, «хохдойч» в Германии, московский диалект в России и т.д.). Поэтому так называемое языковое планирование неизбежно оказывалось нормативным и предполагало «дисквалифицирующее описание» и «вернакуляризацию» (когда «дисквалифицированный» язык объявлялся диалектом и лишался официального статуса)³². При этом одну из первых попыток создать потенциально «бесконфликтную» модель языкового планирования осуществили советские лингвисты в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в рамках официально проводимой правительством политики «коренизации»³³.

Во-вторых, само понятие «вэикулярности» было объявлено недостаточным, так как «транзитивные» функции языка могли значи-

³⁰ Calvet L.J. Pour une écologie des langues du monde. P : Plon. 1999. См. также фундаментальное издание, включающее самые разнообразные материалы по языковым реформам в Европе и Азии: La réforme des langues : histoire et avenir ; C. Hagège, I. Fodor (eds). Hamburg : Buske. 1983–1994. Vol. 1–6.

³¹ См. его классическое исследование: Hagen E. Language Conflict and Language Planning: the Case of Modern Norwegian. Cambridge University Press, 1966.

³² Типичное описание конфликтной модели можно найти в: Calvet L.J. La Guerre des langues et les politiques linguistiques. P. : Hachette, 1987.

³³ См.: Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. При этом в западной литературе распространена точка зрения, согласно которой сам термин «языковое планирование» ввел в научный оборот именно Хаген (см., например: Calvet Louis Jean, 1987. P. 153–155). Однако приоритет в этом вопросе, что не удивительно, принадлежит именно советским лингвистам: статья под названием «Языковое планирование и языковая политика» помещена в сборнике одного из крупнейших отечественных лингвистов XX в. Евгения Поливанова (1931). См.: Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Смоленск, 2003. Точка зрения Поливанова особенно ценна тем, что он принимал непосредственное участие в создании «стандартных» версий языков для народов Средней Азии. См. также: Politics and the Theory of Language in the USSR 1917–1938: The Birth of Sociological Linguistics; C. Brandist, K. Chown (eds). Anthem Press, 2010.

тельно различаться и не подходили для описания плюрилингвистических сообществ. Одной из первых попыток создать типологию «вэикулярных», или унифицирующих, функций языка была предложенная французским лингвистом Анри Гобаром четырехчастная схема. Она была предназначена для описания комплексных языковых ситуаций и выделяла, помимо вернакулярного (*vernaculaire*) и собственно вэикулярного (*véhiculaire*) языка, также «референтный» (*référentiaire*) и «мифологический» (*mythologique*) языки. Под вэикулярным языком Гобар подразумевал официальный язык администрации и бюрократического аппарата, «референтным» он называл язык «высокой» культуры и образования, а мифологическому языку отводилась роль утопической *Uhrsprache*³⁴. Исходя из этого всякая языковая ситуация может быть описана как взаимодействие в рамках четырехчастной схемы различных диалектов и стандартизованных языков, причем в качестве последних могут выступать «мертвые» или даже искусственные языки.

Используя схему Гобара, Жиль Делёз и Феликс Гваттари в своем исследовании о политическом контексте творчества Кафки проанализировали языковую ситуацию в австро-венгерской Праге начала XX в.³⁵ В качестве вернакулярного (VR) языка выступал чешский, диалекты южнонемецкого, а также идиш для многочисленной еврейской общины, к которой принадлежал Кафка. Официальным вэикулярным (VN) языком администрации был «бюрократический» немецкий, языками культуры (RF) были классический немецкий Гёте, французский или итальянский, который по-прежнему употреблялся в южной части империи Габсбургов. Мифологическим (M) языком для преимущественно католической Австро-Венгрии являлась латынь, хотя непосредственно в Праге, знаменитой своей каббалистической школой, еврейская интеллигенция использовала в этом качестве иврит. Таким образом, лингвистическая ситуация в Праге может быть представлена как иерархизированная система, отражающая соотношение сил между языковыми сообществами и фиксирующая их социальный статус: VR1, VR2, VR3 – VN – RF1, RF2, RF3 – M1, M2. Как формальный, так и фактический статус подданных империи может быть описан при помощи их языковой истории (VR1, VN, RF1, M1). При этом статус языков может претерпевать изменения в зависимости от политической ситуации: так, с образованием независимой Чехословакии чешский был объявлен не только официальным, но и референтным языком, а в качестве «мифологического» языка выступал «старославянский», который нередко служил критерием для предоставления словам «гражданства». Последовавшая в 1920-е гг. «дегер-

³⁴ Gobard H. Op. cit.

³⁵ Deleuze G., Guattari F. Kafka: pour une littérature mineure. P. : Éditions de Minuit, 1976. P. 29–50.

манизация» понизила статус немецкого до третьего или четвертого референтного языка³⁶.

Приведенный пример дает наглядное представление о том, что в модерных обществах язык стал не просто объектом политического регулирования, а одной из основных технологий социального инжиниринга. Говоря о роли языковой политики в современных обществах, Клод Ажеж заметил: «Государственный деятель, если ему удастся... контролировать язык на одном из его определяющих этапов, добавляет к своей власти еще одну, анонимную и крайне эффективную»³⁷.

Преобразуя речевые практики в техники власти, общество получает ни с чем не сравнимые возможности контроля и мобилизации. При этом власть языка представляется настолько имманентной социальной жизни, насколько возможно. И парадоксальным образом она становится не только анонимной, но и лишенной голоса.

³⁶ См.: *Judson P.M. Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria.* Harvard University Press, 2007.

³⁷ *Hagège C. L'Homme de paroles.* P. : Fayard, 1985. P. 203.